https://doi.org/10.3176/lu.1978.3.03

Н. И. ИСАНБАЕВ (Йошкар-Ола)

ВЛИЯНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА ПАДЕЖНУЮ СИСТЕМУ ВОСТОЧНОМАРИЙСКИХ ГОВОРОВ

В результате многовековых контактов с татарским языком в марийском языке появились многочисленные лексические, фразеологические, словообразовательные и другие элементы татарского происхождения, различные виды калек и синтаксических моделей. В большей степени татарское влияние отразилось на восточномарийских говорах Татарии и Башкирии, носители которых живут в татарско-башкирской языковой среде и активно двуязычны. Из 2955 татарских лексических заимствований, зарегистрированных нами (часть из них — татарско-чувашские заимствования), около 2700 вошли в лексику указанных говоров, причем более двух тысяч слов встречаются только в них.

Задачей данной работы является рассмотрение некоторых вопросов морфологической характеристики заимствованных татарских слов в марийском языке, в том числе результатов влияния татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров.

Татарские слова, вошедшие в марийский язык, относятся к разным лексико-грамматическим разрядам. Самую многочисленную группу образуют существительные — примерно половину (49,8%) всех татарских заимствований, глаголы составляют 28,25%, прилагательные — 17,28%. Заимствованные остальные части речи встречаются в незначительном количестве.

Длительность и интенсивность языкового контакта, массовое двуязычие населения и структурно-типологическое сходство взаимодействующих языков создали благоприятные условия для проникновения в восточномарийское наречие некоторых грамматических явлений татарского языка, в частности словообразующих и формообразующих суффиксов имен и глаголов. По нашим данным, имеется не менее 15 деривационных суффиксов, вошедших в марийский язык из татарского, которые оторвались от татарских исходных форм и стали активными словообразующими морфемами. Заимствованы четыре формообразующих аффикса, в том числе аффиксы порядковых числительных и инфинитива, встречающиеся в отдельных говорах восточного наречия. Влияние татарской грамматики на марийскую отчетливо отражается в именных категориях числа, притяжательности, падежа, в образовании форм сравнительной и превосходной степеней прилагательных, в глагольных категориях времени, наклонения, в образовании и функциях некоторых неспрягаемых глагольных форм.

Особый интерес вызывают результаты влияния татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров. Это влияние можно

свести к трем основным моментам: изменениям в семантике падежей, увеличению употребительности некоторых падежных форм и проникновению отдельных падежных суффиксов.

Изменение семантики под влиянием татарского языка наблюдается прежде всего у дательного падежа. Как известно, одной из функций его в марийском литературном языке является обозначение профессии, занимаемой должности, рода занятий действующего лица[1]: *трактористлан ышташ* 'работать трактористом', *бригадирлан сайленыт* 'избрали бригадиром', *агитаторлан шогалтена* 'назначаем агитатором' и т. д.

В диалектах западных и восточных групп дательный падеж с указанным значением представлен по-разному. В горном и северо-западном наречиях он в этой функции вообще не употребляется. Вместо него используются формы обстоятельственного и местного падежей: горн. *äťäžə oχo·tńəkeš šərγəšk kašteš* (G. J. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien. — MSFOu XVII, стр. 173) 'отец ходит охотником в лес'; *kašaβareš tärlät* (Там же, стр. 178) 'его нанимают кашеваром'; *дойаркеш шагалтевы* 'поставили дояркой', *колхоз председателеш колтевы* 'послали председателем колхоза' (отсутствие ссылки на источник здесь и далее означает, что пример почерпнут из записей автора); сев.-зап. *вригäдирышты каштеш* 'работает бригадиром', *йепутатышты каштым* 'я работал депутатом', *колхоз озашкы айыревы* 'избрали председателем колхоза' (И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола 1970, стр. 113—114).

В восточномарийских говорах, отпочковавшихся от лугового наречия сравнительно недавно, примерно 400—500 лет назад, и сохранивших многие его особенности, наблюдается интересное переплетение древних и новых черт. Для обозначения профессии, должности, рода занятий в них употребляются формы как дательного, так и местного падежей, кроме того, основная форма имени с деепричастием *лийын* 'став'; например, дательный падеж: малм. *апсатлан иштен кошто* 'работал кузнецом', *учичыллан иштиш* 'работал учителем'; мишк. *претколхозлан колтышт* 'направили предколхозом', *адвакатлан окен тол'о* 'выучился на адвоката'; калт. *счетоводлан шогыш* 'работал счетоводом'; кунг. *пырседат'ыллан ыштыш* 'работал председателем'; кр.-уф. *политруклан шогалтышт* 'назначили политруком'; белеб. *йдйр налме годым кöс'ырлäн мийен* 'во время женитьбы он ездил в качестве кучера'; местный падеж: малм. *председат'ел'ыште лиштишим, счетоводыштат лиштишим* 'я работал председателем, работал и счетоводом' (З. В. Учаев, Грамматические и лексические особенности малмыжского диалекта марийского языка. — Вопросы марийского языкознания III, Йошкар-Ола 1973, стр. 75); елаб. *Ижевскыште ергыже врачыште ышта* 'у него сын в Ижевске работает врачом'; бир. *сторожикаште ыштышым* 'я работала сторожихой', *пашайенгыште илет мо?* 'разве ты живешь в работниках?'; мишк. *нäчäн'ыкыште тудо* 'он в начальниках', *Айма кум ийлан шога весовшыкышто* 'Айма третий год работает весовщиком'; прибел. *дойаркыште ышта* 'работает дояркой'; калт. *пашаенгыште коштын* 'ходил в работниках', *ергым бригадирыште коштеш* 'мой сын ходит в бригадирах'.

Основная форма имени с деепричастием *лийын*, превратившимся в служебное слово, выступает в роли косвенного дополнения, обозначаю-

---

[1] Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 65.

щего профессию, должность, род занятий, лишь при некоторых глаголах состояния, пребывания, движения, например, елаб. *марийем пермыште заведующий лийын илыш* 'мой муж был (букв. жил) на ферме заведующим'; мишк. *ыстрäпкä лийын кум ий илыш* 'три года жила как стряпуха'; калт. *кум ий дойарка лийын шогыш, выстапкыш мийыш* 'три года работала (букв. стояла) дояркой, на выставке была'; бир. *коло ий лиймеш ыштем апшат лийын* 'буду работать кузнецом, пока не исполнится двадцать лет'; балт. *ергым лейтенант лийын фронтеш колыш* 'мой сын погиб на фронте в звании лейтенанта'.

Употребление имен в формах пространственно-местных падежей для обозначения профессии, должности, рода занятий действующего лица является, по-видимому, древнемарийской чертой, хотя такая функция присуща местному падежу, за исключением соседних родственных (коми, удмуртского), и других языков, например татарского (*дворникта хезмэт иту* 'служить в дворниках'), башкирского (*ул унда кейэузэ* 'она замужем за ним') [2], русского (*быть в прислугах, жить в работниках*). Мы склонны видеть здесь результаты конвергентного развития, а не взаимовлияния языков. Что касается использования основной формы имени с деепричастием *лийын*, то имеются все основания утверждать, что эта конструкция возникла под влиянием татарского и башкирского языков, где подобные сочетания выполняют такие же синтаксические функции, ср. тат. *Минем этием слесарь булып эшли* 'Мой отец работает слесарем'; башк. *делегат булып барыу* 'ехать в качестве делегата'. [3]

Под влиянием татарского языка в восточномарийских говорах произошло как некоторое сужение сфер употребления дательного падежа, так и расширение их. Последнее проявляется в применении его вместо направительного падежа литературного языка при глаголах движения типа *каяш* 'идти', *кошташ* 'ходить', *логалаш* 'попадать (в цель)' [4]: малм. *ерлäшым ердене лекнä занятийлан каяш* 'утром следующего дня мы вышли, чтобы идти на занятие', *мелäк пазарлан кайена* 'мы идем на базар', *осколко толын логал'е мылан'ем туплан, вара йоллан толын логал'е* 'осколок попал мне в спину, затем попал в ногу'; балт. *шешке пашалан кайен* 'сноха ушла на работу', *изаже сонарлан коштын* 'а старший брат ходил на охоту'; белеб. *авай пашалан кайыш* 'мать ушла на работу'.

Мы полагаем, что употребление дательного падежа при глаголах движения в направительном значении — результат влияния татарского языка, в котором дательно-направительный падеж с аффиксом *-га/-гэ* при глаголах движения имеет подобное же значение; ср. *эшкэ килу* 'придти на работу', *заводка бару* 'идти на завод', *авылга кайту* 'возвратиться в деревню', *урманга барам* 'иду в лес'. [5]

Употребление дательного падежа в направительном значении характерно и для удмуртского языка, ср. *вулы мынынь* 'идти за водой'. По мнению Б. А. Серебренникова, это результат татарского влияния. [6]

Важной особенностью восточномарийских говоров в области категории падежа является и наличие словоизменительных форм, отсутствую-

---

[2] Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, Москва—Ленинград 1948, стр. 242.

[3] Р. С. Газизов, Сопоставительная грамматика татарского и русского языков, Казань 1959, стр. 83—84; Башкирско-русский словарь, Москва 1958, стр. 118.

[4] И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола 1964, стр. 43.

[5] В. Н. Хангильдин, Татар теле грамматикасы, Казань 1954, стр. 77; Современный татарский литературный язык, Москва 1969, стр. 142.

[6] Б. А. Серебренников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва 1960, стр. 267.

щих в литературном языке. Речь идет прежде всего об абессивной форме существительного с суффиксом *-де*, *-дегече*, указывающей на лишение, отсутствие чего-либо. В литературном языке и некоторых диалектах эта форма встречается крайне редко, поэтому ее принято квалифицировать как форму наречия образа действия с лишительным значением: *озаде* 'без хозяина', *упшде* 'без шапки' (Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 281). В восточном же наречии существительные с суффиксом *-де*, *-дегече* имеют высокую продуктивность. Они образуются как от исконно марийских, так и от заимствованных основ; например, малм. *марийтегече кодым колыкандас ийаш* 'без мужа я осталась в двадцать восемь лет', *пӧртлактегече кодыныт* 'остались без домов', *пойанлыктегече* 'без богатства'[7]; елаб. *ачате-авате кушкын* 'он рос без отца и матери', *йӱжыгунам шылтегечат илаш логалеш*, *ӱйтегече илмаш уке* 'иногда приходится жить и без мяса, без масла не живу'[8]; мишк. *йолде кодамат кӧ онча мыйым* 'если останусь без ног, кто будет ухаживать за мной', *ынде иктаж кечыдегече ом пого шоптырым* 'пока не пройдет несколько дней (букв. без нескольких дней), не буду собирать смородину'.

Абессивная форма на *-де* продуктивна и в марийских диалектах западных групп — горном и северо-западном наречиях.[9] Показательно, что эта форма имеет широкое распространение и большую продуктивность именно в марийских диалектах, распространенных непосредственно по соседству с поволжско-тюркскими (татарским, башкирским и чувашским) языками. Думается, что это неслучайно. Именно в этих языках широко представлены именные образования с лишительными суффиксами: тат. *-сыз/-сез*, башк. *-һыз/-һез*, чув. *-сăр/-сӗр*; ср., например, тат. *берсузсез* 'без единого слова' (Г. Эмиров, Утларсулар кичеп, Казан 1961, стр. 38), *юлсыз* 'без дороги' (там же, 159); чув. *Ку ӗçе специалистсăр тума çук* 'Это дело нельзя выполнить без специалиста'; *Сур куннесӗр юр каймаст* 'Раньше (до) весны снег не сойдет' (Материалы по грамматике чувашского языка, Чебоксары 1957, стр. 24).

Таким образом, есть основания полагать, что увеличению продуктивности в образовании абессивной формы имен в указанных марийских диалектах способствовали соседние тюркские языки — татарский и башкирский в восточномарийских говорах, чувашский в горном и через него в северо-западном наречиях.

В восточномарийских говорах татарское влияние отразилось и на самой форме абессивного суффикса *-дегече*, который представляет собой сложное образование и состоит из общефинно-угорского **-t* и марийского послелога *-гыч*, имеющего исходное значение. Прототипом этого суффикса, как и омоничного суффикса отрицательного деепричастия, послужил татарский аффикс деепричастия *-мастан/-мәстән*[10], в котором слились показатели отрицания *-мас/-мәс* и исходного падежа *-тан/-тән*.

Крайне редким и потому чрезвычайно интересным явлением в процессе межъязыковых контактов следует считать заимствование периферийным белебеевским говором марийского языка татарской формы *-ныкы/-неке* для выражения принадлежности. В большинстве марийских диалектов и литературном языке это значение передается формой родительного падежа. Специфика указанного говора состоит в том, что родительный падеж имеет в нем две формы для выражения принадлеж-

---

[7] См. также: З. В. Учаев, указ. раб., стр. 72—83.
[8] См. также: Н. И. Исанбаев, Говор елабужских мари. — Вопросы диалектологии и истории марийского языка, Йошкар-Ола 1964, стр. 74.
[9] И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, указ. раб., стр. 108—110.
[10] Современный татарский литературный язык, Москва 1964, стр. 260—261.

ности: общемарийскую с суффиксом *-(ы)н* и узкодиалектную с татарским аффиксом *-ныко/-ныке*. Примеры на употребление второй формы: *ложашыныке путшо мош пазарыште?* 'сколько стоит пуд муки на базаре?'; *тӱрлӧ верныке з'ылмыже пӧтӓн* 'у разных мест язык разный'; *тошто млӓндыныке межӓш мийен шуныт* 'они дошли до межи старого надела земли'.

Татарские грамматисты литературную форму на *-ныкы/-неке* классифицируют как предикативно-притяжательную, близкую к притяжательным прилагательным.[11] В диалектах она часто выступает в атрибутивной функции и соответствует форме родительного падежа литературного языка; ср. *урдәкнәкә бер чәбәш юк* 'у утки недостает одного утенка' вместо лит. *урдәкнең бер чебие юк* (Н. Б. Бурганова, Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — Материалы по диалектологии, Казань 1955, стр. 58—59). Ср. также в говоре пермских татар: *коданыкы быратыныкы хатыны улгән* (лит. *коданың абыйсының*) 'умерла жена брата кума' (Д. Б. Рамазанова, Грамматические особенности говора пермских татар. — Материалы татарской диалектологии, Казань 1974, стр. 98).

По наблюдениям татарских диалектологов, «употребление *-ныкы*, *-неке* в функции показателя родительного падежа наблюдается в нукратовском говоре среднего диалекта, восточном диалекте, говорах подберезинских кряшен и мишарей Пензенской области; отмечено в диалектах узбекского языка, в караимском, уйгурском, самарском языках».[12]

Отсюда следует, что на белебеевский говор марийского языка оказали влияние окружающие татарские диалекты, а не литературный язык татар.

Необходимо отметить, что заимствование марийским языком иноязычного падежного форманта хотя и является редчайшим, но все же не единственным фактом в межъязыковых отношениях.

Важно подчеркнуть также, что заимствование иноязычного падежного форманта в белебеевском говоре марийского языка не привело к вытеснению исконного грамматического показателя. Оба употребляются в языке как синонимичные средства выражения грамматического значения.

Результаты марийско-татарского языкового взаимодействия в области падежной системы представляют большой интерес с точки зрения общего языкознания, теории языковых контактов. Они глубже раскрывают механизм двуязычия и еще раз свидетельствуют, что в условиях активного билингвизма населения и структурной близости контактирующих языков проницаемой может оказаться даже такая устойчивая сторона языка, как морфология.

---

[11] Ф. С. Фасеев, Краткий грамматический справочник татарского языка. — Татарско-русский словарь, Москва 1966, стр. 823.
[12] Д. Б. Рамазанова, указ. раб., стр. 98.

Сокращения названий говоров марийского языка

балт. — балтачевский (Балтачевский р-н Башк. АССР), **белеб.** — белебеевский (Белебеевский, Бакалинский, Шаранский р-ны Башк. АССР), **бир.** — бирский (частично Бирский и Мишкинский р-ны Башк. АССР — чураевский куст), **елаб.** — елабужский (Елабужский р-н Тат. АССР, Граховский р-н Удм. АССР), **калт.** — калтасинский (Калтасинский, Краснокамский, Янаульский р-ны Башк. АССР), **кр.-уф.** — красноуфимский (Красноуфимский, Сажинский р-ны Свердловской обл.), **кунг.** — кунгурский

(Суксунский р-н Пермской обл., Ачитский р-н Свердловской обл.), **малм.** — малмыжский (Малмыжский р-н Кировской обл.), **мишк.** — мишкинский (частично Мишкинский, а также Караидельский, Нуримановский р-ны Башк. АССР), **прибел.** — прибельский (Дюртюлинский, Илишевский, частично Бирский р-ны Башк. АССР).

N. I. ISANBAJEV (Joškar-Ola)

DER EINFLUSS DER TATARISCHEN SPRACHE AUF DAS KASUSSYSTEM DER OSTMARISCHEN MUNDARTEN

Jahrhunderte lang hatte die marische Sprache einen festen Kontakt zu der tatarischen Sprache. Am meisten widerspiegelte sich der tatarische Einfluß in den ostmarischen Mundarten Baschkiriens und Tatariens. Die Dauer und die Intensität des Sprachkontakts, die Zweisprachigkeit und die strukturell-typologische Ähnlichkeit der zusammenwirkenden Sprachen schufen günstige Bedingungen für das Eindringen einiger grammatischen Erscheinungen der tatarischen Sprache in die ostmarischen Mundarten.

Im Artikel werden die Resultate des Einflusses der tatarischen Sprache auf die Semantik und die Produktivität der Bildung einiger Kasus betrachtet; es wird auch auf einige Fälle des Einbruchs einzelner Kasusformen hingewiesen.